

Я знаю, что если мы расстанемся, моя милая будет очень долго грустить.

Он из тех людей, кто привыкает к вещам и потом совершенно не желает их менять. Ходить в один и тот же ресторан, садиться за один и тот же столик, заказывать один и тот же комплексный обед — это всё он.

И я уверен: если мы расстанемся, он вряд ли найдет того, кто будет заботиться о нем так же, как я.

Я, конечно, человек не самый хороший, и ему легко будет найти кого-то лучше меня, но вот найти того, кто будет относиться к нему с такой же нежностью — вряд ли. В этом я абсолютно уверен: никто не сможет превзойти меня и занять первое место.

Если за ним начнет ухаживать кто-то другой, ему определенно будет неудобно. Даже если он меня не любит, за восемь лет привычка способна превратиться в нечто более страшное, чем любовь. Поэтому я никогда не заведу разговор о расставании.

Но если он сам предложит — я, конечно, его отпущу.

Обычно, когда мы ссоримся и он уходит из дома, не проходит и трех дней, как я забираю его обратно. Ему на самом деле очень некомфортно жить в чужом месте: нет привычных штор, знакомых обоев, любимой кружки, и плюшевого утенка, которого он обязательно должен положить рядом с подушкой, когда ложится спать. Да и к новым постелям он привыкает с трудом — разве можно так нормально выспаться? Но из вредности он продолжает терпеть.

Однако в этот раз я не смог забрать его домой в течение трех дней, потому что оказался в больнице.

В тот день я немного посидел у входа в больницу, собираясь уходить, как вдруг позвонил отец. Сказал, что приехал дед, хочет повидаться, зовет домой на ужин.

Отец живет в повторном браке уже больше восьми лет. После того как он женился, я ни разу не возвращался в тот дом. И хотя ощущение дома у меня и раньше было не особо сильным, после того случая оно стало еще четче: это уже был полностью чужой дом.

Отец знал о моей ориентации. Еще до того, как я добился своей милой, я открылся ему. Тогда он как раз пытался устроить мой брак — кажется, с дочерью одного из акционеров его компании.

Я прямо сказал ему, что мне нравятся мужчины.

Я ведь и сам видел его грязные дела, так что у него не было морального права попрекать меня чем-то непотребным. Хотя лицо у него тогда стало неприятным, заставлять он не стал.

Он просто спросил: Значит, жениться не будешь?

Я ответил: Конечно, нет.

Он сказал: Хорошо, тогда эта компания больше не имеет к тебе никакого отношения.

Я ответил: Вот и отлично.

После этого он завел сына от своей нынешней жены, которая ненамного старше меня, и начал усиленно воспитывать следующее поколение.

Впрочем, глядя на меня, можно понять, что ничего путного он воспитать не сможет.

С тех пор отец перестал давать мне деньги, но дом и машину, которые дал раньше, назад отбирать не стал. Я не стал вести себя как дурак и пытаться доказать свою правоту, возвращая их. Просто продолжил пользоваться.

Сейчас я занимаюсь стройматериалами вместе с одним приятелем. Дело небольшое, зарабатываю не то чтобы много, зато времени свободного больше — удобно заботиться о милой.

А вот милая зарабатывает прилично, ха-ха. Но в семье достаточно и одного трудоголика, иначе, как у моих родителей, жизнь превратится в кошмар.

Когда я приехал к отцу, мачеха была довольно любезна, даже приготовила для меня домашние тапочки. Пол был усеян разными игрушками — моему младшему брату в этом году пять или шесть лет. Этот дом выглядел больше похожим на настоящий, чем в моем детстве. Похоже, отец с этой женой неплохо ладят.

В прошлый раз я был здесь почти два года назад. Тогда моя милая потерял брелок, когда мы гуляли по магазинам. Я же говорил, что он до смерти не любит менять привычные вещи. Из-за какого-то брелока он весь день со слезами на глазах искал его на улице, но так и не нашел. Сначала я помогал ему, мы искали с утра до обеда — чуть было не перевернули каждый люк на дороге. К вечеру он уже не мог идти, но все равно не сдавался, и я нес его на спине, пока мы продолжали поиски. Наконец, когда стемнело, мы сдались. Придя домой, он даже есть не стал, зарылся в одеяло и уснул.

Я вспомнил, что у меня был точно такой же брелок, прицепленный к старому рюкзаку, который лежал дома. Я поехал искать его.

В тот день я не нашел рюкзак, подумал, что мачеха его выкинула, и даже накричал на нее. В конце концов, нашел его на складе, вернулся домой и тихонько повесил брелок на ключи моей милой. На следующее утро тот был так счастлив, что чуть кровать не разломал.

И вот в этот приезд, за ужином, мы перекинулись парой слов с дедом. Я попробовал фрикадельку, вкус показался неплохим, я съел их довольно много и не заметил, что в них добавлена паста из креветок.

В этом нельзя винить мачеху, она не пыталась меня подставить. Даже моя родная мать, возможно, не знала, что у меня аллергия на креветки — я сам обнаружил это, когда немного подрос.

Аллергия у меня очень сильная, но я не ожидал, что в этот раз будет настолько плохо: случился анафилактический шок, и меня увезли в больницу.

Когда я очнулся, мне как раз ставили капельницу, а вид у меня был просто жалкий. Было часа два или три ночи, и я сильно удивился, увидев, что отец сидит у кровати и следит за пузырьками.

В детстве, когда я простужался или болел, они никогда не были рядом. Всегда присылали секретаря посидеть со мной немного.

Отец, видимо, тоже перепугался и довольно сердито сказал: Почему не сказал, что у тебя аллергия? Когда тебя привезли, пульс почти не прощупывался, врач уже выписал направление в реанимацию.

У меня горло было полностью перекрыто, я не мог произнести ни звука.

Отец снова спросил: А где этот? Позови его, пусть придет за тобой поухаживать.

Он имел в виду мою милую.

Я покачал головой. Он немного занервничал: Давай быстрее, я уже не в том возрасте, чтобы здесь с тобой возиться.

Я набрал на телефоне и показал ему: Его нет, он уехал в командировку.

Отец сказал: Дай мне его номер, если так сильно болен, нужно же ему сообщить.

Я ответил: Не надо.

Не знаю, понял ли отец что-то, но он холодно фыркнул и довольно насмешливо произнес: Когда предлагал жениться, ты не захотел. Прожил почти полжизни, а за тобой даже ухаживать некому.

Он добавил: Развлекайся дальше, посмотрим, на сколько лет тебя хватит.

Я сказал: Со мной уже всё в порядке, за капельницей я сам послежу, иди домой.

Он просидел всю ночь и, видимо, уже не мог больше оставаться, поэтому ушел.

Может, потому что мне было слишком плохо — болела и голова, и горло, а может, когда человек болеет, он становится более ранимым, — но я вдруг очень сильно захотел увидеть свою милую. В это время он должен быть в магазине, и мне хотелось просто услышать его голос.

Хотелось, чтобы он спросил: Что с тобой случилось?

Хотелось сказать ему: Мне плохо.

Это было лишь желание, я бы ни за что не сказал ему этого вслух.

Я набрал его номер. Раздались два гудка, а потом сброс.

Я больше не звонил.

<http://bllate.org/book/26321/3151672>